

ПРОБЛЕМИ КОМПАРАТИВІСТИКИ

УДК 821.161.1-3.09

ДЕТСКОЕ ВИДЕНИЕ В РАССКАЗАХ И ИНТЕРНЕТ-ПОСТАХ ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ

Александра Гребенщикова, канд. филол. наук, учитель

Харьковская гимназия № 116
grebenchshikova@gmail.com

Анализ современного этапа развития литературы невозможен без сопоставления сетевых и несетевых жанров, особенно в творчестве одного и того же писателя. Активный исследовательский интерес продолжает вызывать фигура Т. Толстой, в творчестве которой важное место занимает детская тема. Изучение сетевого творчества состоявшихся писателей — актуальное направление интерпретации современного литературного процесса.

Целью статьи является уяснение принципов и механизмов функционирования детского видения в рассказах и постах Т. Толстой (рассказы «Любишь — не любишь» (1987) и «Невидимая дева» (2014), посты автора за 2014—2016 гг.). Обнаруживая определенную эволюцию в освоении Т. Толстой заявленной темы, автор приходит к выводу, что функционирование механизмов детской оптики в разных текстах строится по сходным принципам. Это позволяет говорить об универсальности рассматриваемого аспекта поэтики для всего творчества писательницы.

Ключевые слова: поэтика визуальности, детская оптика, художественная публицистика, интернет-пост.

Современный этап развития литературы характеризуется размытостью многих структурных принципов. Постепенное стирание жанровых или родовых границ произведений привело к трансформации понятия *художественный текст*. Особую роль в этом играют сетевая проза и поэзия. Поэтому изучение сетевого творчества состоявшихся писателей — важное и перспективное направление интерпретации современного литературного процесса [1–7].

Активный исследовательский интерес продолжает вызывать фигура Т. Толстой [2–5; 8; 10]. Дебютировав в 1983 г. рассказом «На золотом крыльце сидели», Толстая издала несколько сборников, включавших как художественные, так и публицистические тексты, а затем, в 2000 г., роман «Кысь». Выдержав творческую паузу после выхода этого романа, Толстая возвращается в литературу, но уже сетевую: публи-

кует тексты сначала в «Живом журнале», а затем и в Фейсбуке. Только в 2014 г. выходит очередная книга писательницы («Легкие миры»), и построена она будет в основном на фейсбучных постах.

Начиная с первых литературных опытов, в творчестве Т. Толстой важное место занимает детская тема. Детское сознание, детское восприятие, воплощенное в литературе, неоднократно становились предметом научного исследования. Вместе с тем специальных работ, где рассматривалось бы детское видение мира, отраженные в творчестве Т. Толстой, нам обнаружить не удалось. Целью работы является уяснение принципов и механизмов функционирования детского видения в рассказах и постах Т. Толстой.

Важно разграничить понятия «мир детства» и «детская оптика». «Мир детства» подразумевает, что центром изображаемой картины мира является ребенок, но субъектом восприятия может быть взрослый. Если предметом исследования является детская точка зрения, образ наблюдателя-ребенка и механизмы его видения, тогда есть смысл говорить о «детской оптике» — системе поэтических приемов, позволяющих охарактеризовать субъект видения (ребенка или взрослого с детским восприятием мира); детская «точка зрения» (по Б. Успенскому [13]), рассмотренная с позиций поэтики визуальности.

Современный этап развития литературы ознаменовался рождением интернет-поста. Пост (от англ. post — запись) — это сообщение, сделанное на странице форума или социальной сети. Однако такая запись нередко перерастает в текст, обладающий признаками художественности. Исследователи подчеркивают, что пост является пограничным жанром: к нему применимы обозначения «художественная публицистика» (Г. Прохоров [9]) или «эссеистика» (М. Эпштейн [14]). Общая для художественного текста и поста цель (выражение авторской интенции) достигается разными способами. Если литературный текст создает собственную реальность, то интернет-пост, как правило, передает информацию. Он доступнее для понимания, не нуждается в комментариях, не содержит скрытых шифров или кодов, не нуждается в «разгадывании». Пост часто пишется как комментарий к произошедшему общественному или культурному событию. Такой остроактуальный текст зачастую воспринимается как «одноразовый». Целевая установка художественного текста, конечно, иная: этот текст нацелен на вечное, он нуждается в перечитывании и остается значимым долго. Следует отметить и динамичность, интерактивность по-

ста: он быстро пишется, может неоднократно редактироваться и получать живой читательский отклик в виде комментариев. При этом в обоих типах текста важным оказывается стремление автора познать себя, поделиться своими мыслями и чувствами, включиться в диалог, почувствовать сопричастность. Посты Т. Толстой вполне подходят под определение эссеистики. Включая в себя многие признаки публицистики, эти тексты содержат полноценное собственно художественное начало.

Для иллюстрации принципов детского видения обратимся к рассказам и постам Т. Толстой. Так, в рассказе «Любишь — не любишь» (1987) взгляд ребенка-наблюдателя является организующим началом повествования. Последовательное и бескомпромиссное противопоставление свой/чужой двигает сюжет рассказа. Это противопоставление основано на оппозиции «ребенок/взрослый», поэтому «свои» взрослые (например, мама) оказываются такими же оппонентами героини, как и «чужие» взрослые (няня Марья Ивановна). Жизненная позиция, система ценностей ненавистной Марьи Ивановны не подходит юным воспитанницам, и с наивной откровенностью повествовательница сообщает: «Марьяванна ненавидит нас, а мы ее». Ненависть материализуется в простых вещах, опредмечивается: «Ненавидим шляпку с вуалькой, дырчатые перчатки, сухие коржики «песочное кольцо», которыми она кормит голубей» [11, с. 72]. Наивно-оценочное детское восприятие отражено в своеобразном экфрасисе, когда ненавистный образ воплощен «в живописи»: «...Возьмем цветные карандаши. Если послунявить красный, он дает особенно гладкий, атласный цвет» [11, с. 81]. Юная художница не забывает ни одной детали: «А тут — громаднющая бородавка. Отлично» [11, с. 81]. Полноту няни девочка передает в конфигурации снежной бабы: «Теперь синим: шар, шар, еще шар. И две тумбы. На голову — черный блин» [11, с. 81]. Няня воспринимается не вполне человеком: «Вот и Марьяванна готова» [11, с. 81] — с детской точки зрения это не метонимия, а нечто неживое, словно это приготовленное блюдо или законченная поделка.

Откровением звучат слова, что ненавистная Марья Ивановна «тоже была любимой няней у одной уже выросшей девочки!» [11, с. 72]. Героине трудно в это поверить, поэтому любовь чужой девочки к Марье Ивановне оказывается признаком «ненормальности» бывшей воспитанницы. И ребенок по-детски, по-сказочному моделиру-

ет разговоры между няней и «идеальной» девочкой: «— Доешь червячков до конца, дорогая Катюша! — С удовольствием, ненаглядная Марьиванна! — Скушай маринованную лягушку, деточка! — Положите мне еще поре издохлых мышей, пожалуйста!» [11, с. 73]. Неприятные вещи снабжаются формулами вежливости, символизирующими неискренность, которую отторгает ребенок. Тем не менее, в авторской концепции детское восприятие мира корректируется не только взрослыми, но и другими детьми.

Полная Марьиванна, показывающая свои фотографии, вызывает удивление: «Неужели в недрах этой задыхающейся туши погребено вон то белое воздушное существо в кружевных перчатках?» [11, с. 73]. Взрослость оказывается панцирем, футляром, внутри которого безнадежно погребено детское начало. Человек как бы «обрастает» взрослостью, которая наслаивается на то чистое и подлинное, что есть в ребенке. А вот любимой няни Груши (именно она противопоставлена Марьиванне) взрослость не коснулась. Воспитанница воспринимает возраст няни с детской точки зрения (ей «ужасно много лет» [11, с. 80]). Но парадоксальным образом обе оказываются объединены детским восприятием мира: «В ее седенькой голове хранятся тысячи рассказов о говорящих медведях, <...> о Пушкине и Лермонтове. И она точно знает, что если съесть сырое тесто — улетишь» [11, с. 80].

Завершается рассказ уходом ненавистной Марьиванны, которая не выдержала «духа противоречия» девочек и уволилась. Финал рассказа воспринимается как победа живой жизни над смертью, как вечный круговорот времени: «Весна еще слаба, но снег сошел, <...>. На солнышке уже тепло. Прощай, Марьиванна! У нас впереди лето» [11, с. 88].

Обратимся к рассказу «Невидимая дева» (2014). Этот текст повествует о жизни семейства писательницы на даче, и в нем присутствует органично вписанное мемуарное начало. Субъектом повествования является рассказчица, которая вспоминает собственное детство. Это усложняет оптику текста: перед нами — наслаивание нескольких точек зрения. В сознании «взрослой» рассказчицы динамично соотносятся детская и взрослая точки зрения.

Мир, в котором живет ребенок, — цветной, сказочный, понятный и опредмеченный. Оптическим прибором для познания этого мира служат стекла веранды: «стекла простые и стекла цветные. Цветных было два: кроваво-алый ромб — за которым весь мир представлял-

ся бледно-земляничным, вываренным, как ягоды в компоте, и ромб зеленый, в любой момент создававший иллюзию июля» [11, с. 8]. И если оксюморонное сочетание агрессивной алой крови и «безопасной» вываренной бледной земляники увидено детскими глазами, то слово «иллюзия», конечно, возвращает нас во время воспоминаний взрослого.

Гораздо более оригинальным «оптическим прибором» оказывается чайный гриб. Ребенок смотрит на мир «через эту банку, через янтарное болотце, поверх которого лежал одутловатый, бледный, толстый, слоистый блин» [11, с. 11]. Гриб оживляется воображением героини: «Мы, благополучно родившиеся с ногами, руками и глазами, — и он, недоношенный, безглазый, неспособный не то что проползти, — шевельнуться неспособный. Но живой. И наш. Нянин ребенок» [11, с. 11–12].

Мир, воспринимаемый глазами ребенка, имеет внушительные масштабы и свою географию. «Холм, на котором стоял Дом, стекал, стало быть, на восток и на запад; на востоке, всё в соснах, волновалось большое синее озеро Хеппо-Ярви. <...> На западе <...> тихо лежало маленькое черное озеро» [11, с. 15]. Здесь детская точка зрения («можно было выдернуть кувшинку вместе с двухметровым стеблем, а правильно надрывая стебель, можно и нужно было сделать себе мокрые, холодные бусы» [11, с. 15]) постепенно визуализируется, достигая графической ясности и четкости: «Вечером над маленьким озером, над его черной зеркальной водой долго горел желтый финский закат и черными резными зубцами стояли елки» [11, с. 15]. Вспоминая эту картинку уже взрослой, рассказчица вводит детские впечатления в культурный контекст: «Еще пару мухоморов под ноги — и картинка Билибина готова» [11, с. 15].

Наивность детского взгляда снимает дистанцию, существующую в мире взрослых. Толстая вспоминает свою реакцию на стихи Гумилева: «они обращены ко мне: когда из книги говорят «ты помнишь?», то мне кажется, что да, я помню» [11, с. 43]. Один из самых тонких лириков Серебряного века адекватен детскому сознанию, и дистанция между субъектом и объектом сокращается: «Да, кажется, помню. Что-то такое припоминается» [11, с. 43].

Есть в детском мире Толстой и оптический прибор, притягивающий смерть. Это синее стекло. Героиня с точки зрения ребенка замечает: «Если долго смотреть через синее стекло, кто-нибудь умрет.

Не совсем, не безнадежно, — ведь смерти на самом деле нет, — но его уже не будет тут» [11, с. 30]. Стекло служит границей между мирами, и невозможность физического контакта с умершими печалит юную героиню, осознающую, тем не менее, что «смерти на самом деле нет» [11, с. 30]. За синим стеклом есть свой мир — мир мертвых — серая, сумеречная страна: «если приблизить лицо к стеклу и долго смотреть, то <...> проступают, кажется мне, их лица, их руки» [11, с. 30]. Правда, детский взгляд допускает, что ситуация может быть обратной: «Может быть, им, с той стороны, весело и светло, <...> может быть, это мы <...> представляемся им серыми, и тоскующими, и запертыми» [11, с. 30]. В детском мире все возможно, и грань между мирами подвижна и зыбка.

Иногда роль «оптического прибора» играет луч солнца, сквозь который смотрит на мир героиня. Он также свидетельствует о нереальности смерти: «В маленькое оконце входил вечерний луч, пыль сеялась в луче, <...> вечно пребывая, <...> и коровья тень (тень павшего животного. — *А. Г.*) проходила, тяжело ступая, вздыхая, из одного сумрачного угла в другой» [11, с. 36].

Обратимся к интернет-постам Т. Толстой. Текстов, в которых можно найти детскую точку зрения, немного. Очевидно, жанровая природа поста не предполагает «лирических» размышлений на тему детства. Однако в рассмотренных нами постах детское видение прослеживается отчетливо.

Примером может служить пост о взаимоотношениях семейной пары среднего возраста. Толстая слышит реальный монолог женщины, многословно поясняющей своему мужу, какие именно сапоги ей нужно купить. Мужчина покорно выслушивает этот нескончаемый словесный поток. В попытке понять причины этой привычной покорности Толстая раскручивает ситуацию назад, пытаясь понять, как она складывалась. Супружество героев не воспринимается как партнерство: герой поставлен в подчиненное положение, он уподобляется собаке, зависящей от воли хозяина: «Он пропустил момент, когда можно было отстегнуть цепь и бежать, — теперь всё» [12]. Толстая пытается увидеть в герое ребенка, которого больше нет. Через состояние юного влюбленного автор прозревает в герое мальчишку («на велосипеде, и с горки, и в ушах свистело» [12]), а затем — и изначального ребенка в его райской, безгрешной ипостаси: «А еще до того — сидел на озере с удочкой, и туман такой по гладкой воде, и хлеб в кармане»

[12]. Точка зрения автора совпадает с видением ребенка, который заворочен утренней рыбалкой и которому для полного благополучия достаточно куска хлеба в кармане. Синтаксис предложений тоже упрощается: «А еще до того поймал жука, огромного, с зеленым отливом, и перевернул, и смотрел, как он лапками шевелит» [12]. Это упрощение выглядит естественным с детской точки зрения и компенсируется сложным впечатлением и жадной познания, безнадежно утраченными взрослым человеком. Панцирь взрослости надежно скрывает нежное детское существо, и невозможность вернуться в детство, по-детски видеть мир делает взрослого человека несчастным.

Обратимся к еще одному примеру. Т. Толстая рассказывает, что нашла фотографию себя в трехлетнем возрасте и вспомнила о детстве: черной комнате, где проявлялись фотографии, затем — об отце. Черная комната, по воспоминаниям повзрослевшей героини, просто «выгородка, образованная книжными полками и черными суконными занавесками от пола до потолка» [12]. Однако для детского восприятия это именно комната. Образ давно умершего отца не визуализирован, Толстая слышит только его голос: «Красный цвет, — говорит папин голос в темноте, — безвреден для фотобумаги» [12]. Однако в уже знакомой нам детской философии отрицания смерти папа *говорит*, т. е. находится здесь и сейчас, просто его не видно. Настоящее время — не оговорка Толстой. Действо, происходившее в далеком детстве, развивается здесь и сейчас: «Невидимый папа достает из черной пачки особую бумагу и кладет на маленькую деревянную платформу под фотоувеличитель» [12]. Детская точка зрения максимально проста и оценочна: «На бумаге чье-то лицо: белые волосы, черные зубы. Это не негр-альбинос, это мама» [12]. Образ родного человека еще не явлен миру: это универсальное *чье-то* лицо, увиденное в черно-белой графической гамме. Но всемогущий папа помогает негру-альбиносу превратиться в маму: «беловолосый негр неспешно и непредсказуемо превратится в мамино лицо, и мамочкины волосы станут знакомыми, любимыми, черными, а зубы — белыми, и неправильный, выбившийся из ряда клык, напозающий на другие, обычные зубы, тоже будет мамочкин, ни с кем не спутаешь» [12]. Мама явлена именно с детской точки зрения: это подтверждается и лексически («мамочка»), и визуально: очевидно, «неправильность» клыка виднее, когда смотришь на него близко и снизу, когда ты ребенок. Детскую точку зрения поддерживают и масштабы вселенной: «Тот, детский мир — он был огром-

ным» [20]. Обратим внимание на сложную оптическую позицию наблюдателя: это и ребенок (мир огромный), и взрослый, осознающий, что сейчас он живет в другом мире (*там*, детский мир).

Таким образом, приемы детской поэтики оказываются сходными в ранних и поздних текстах писательницы. Однако можно говорить и об эволюции применения механизмов «детской оптики» в творчестве Татьяны Толстой. При «упрощении» текстов 2010-х гг. «детская оптика» в них, напротив, усложняется. Так, если рассказ «Любишь — не любишь» представлял точку зрения ребенка-наблюдателя, а структурной основой являлась оппозиция свое/чужое, то уже рассказ «Невидимая дева» с точки зрения наблюдателя являет собой сложную конструкцию: чаще всего на детскую, остранированную точку зрения накладывается приземляющая, профанирующая точка зрения взрослого человека. Дистанция, которая существует между разновозрастными ипостасями героини, по сути, демонстрирует различие оптики и взгляда на мир не разных людей, а различных возрастов — ребенка и взрослого. При этом названная дистанция оказывается подвижной. А вот ироничность, публицистическая направленность интернет-постов, по-видимому, в меньшей мере располагают к созданию текстов, насыщенных детской визуальностью. Именно поэтому проанализированные посты по своей структуре и тематике сходны с поздними рассказами Толстой, принципиальной установкой которых является лиризация прозы, «обращение окуляров внутрь» и мемуарная направленность, размывающая грань между художественным и нехудожественным творчеством. Хотя эволюция приемов реализации «детского видения» в текстах Толстой проявляется вполне наглядно, функционирование механизмов детской оптики все же строится по сходным принципам, что позволяет говорить об универсальности рассматриваемого аспекта поэтики для всего творчества автора.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бабичева А. Открытая мысль : Интернет на бумаге [Электронный ресурс] / Анастасия Бабичева // Знамя. — 2012. — № 5. — Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/znamia/2012/5/b31.html>
2. Богданова Е. А. Мотивный комплекс прозы Татьяны Толстой : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.01 «Русская литература» / Богданова Екатерина Анатольевна. — СПб., 2015. — 216 с.

3. Вайль П. Городок в табакерке / П. Вайль, А. Генис // Звезда. — 1990. — № 8. — С. 147–150.
4. Власова Л. А. Второсюжетность в эссеистике Т. Толстой / Л. А. Власова // Вестн. Тамбовского ун-та. Серия : Гуманитарные науки. — 2006. — Вып. 2. — С. 288–300.
5. Генис А. Поэтика Фейсбука [Электронный ресурс] / А. Генис. — Режим доступа : <http://www.svoboda.org/content/transcript/27247869.html>
6. Голованова М. А. О культуре письменной речи в системе Рунет [Электронный ресурс] / Голованова М. А., Абрамова М. И., Пичугина О. Г. // Труды Международного симпозиума «Надежность и качество». — 2008. — Т. 1. — Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/o-kulture-pismennoy-rechi-v-sisteme-runet>
7. Костырко С. Сетевая литература [Электронный ресурс] / Сергей Костырко. — Режим доступа : http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/1/netlib.html.
8. Парамонов Б. Застой как культурная форма (о Татьяне Толстой) / Борис Парамонов // Звезда. — 2000. — № 4. — С. 234–238.
9. Прохоров Г. С. Что такое «художественная публицистика»? / Г. С. Прохоров // Новый филологический вестник. — 2012. — Вып. 3 (22). — С. 44–52.
10. Сурат И. Иногда любовь : новая проза Татьяны Толстой / И. Сурат // Знамя. — 2014. — № 8. — С. 188–201.
11. Толстая Т. Н. Невидимая дева / Татьяна Толстая. — М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2015. — 471 с.
12. Толстая Т. [Профиль в Фейсбуке]. — Режим доступа : <https://www.facebook.com/TatyanaTolstaya?fref=ts>.
13. Успенский Б. А. Поэтика композиции / Борис Успенский. — СПб. : Азбука, 2000. — 348 с. — (Academia).
14. Эпштейн М. Н. Постмодерн в русской литературе / М. Н. Эпштейн. — М. : Высш. шк., 2005. — 496 с.

ДИТЯЧЕ БАЧЕННЯ В ОПОВІДАННЯХ ТА ІНТЕРНЕТ-ПОСТАХ ТЕТЯНИ ТОЛСТОЇ

*Олександра Гребенищикова, канд. філол. наук, учитель
Харківська гімназія № 116*

Аналіз сучасного етапу розвитку літератури неможливий без співставлення мережових та немережових жанрів, особливо у творчості одного й того ж письменника. Активний дослідницький інтерес продовжує викликати постать Т. Толстої, у творчості якої важливе місце посідає дитяча тема. Вивчення мережової творчості визнаних письменників — актуальний напрямок інтерпретації сучасного літературного процесу.

Метою статті є з'ясування принципів і механізмів функціонування дитячої бачення в оповіданнях і постах Т. Толстої (оповідання «Любиш — не любиш» (1987 р.) та «Невидима дівка» (2014 р.), пости автора за 2014–2016 рр.). Виявляючи певну еволюцію в освоєнні Т. Толстої заявленої теми, автор приходять до висновку, що функціонування механізмів дитячої оптики в різних текстах будується за схожими принципами. Це дозволяє говорити про універсальність розглянутого аспекту поетики для усієї творчості письменниці.

Ключові слова: *поетика візуальності, дитяча оптика, художня публіцистика, інтернет-пост.*

CHILD'S VISION IN SHORT STORIES AND INTERNET POSTS BY TATIANA TOLSTAYA

*Aleksandra Grebenchshikova, Candidate of Philological Sciences,
teacher at Kharkov gymnasium No. 116*

The article covers the principles of functioning of «child's optics» in the work of T. Tolstaya.

The modern stage of the development of literature transforms the very concept of an artistic text. A special role in this is played by network prose and poetry. Therefore, the research of network artwork of the writers is a promising direction of the interpretation of the modern literary process. The figure of T. Tolstaya has been evoking the active research interest. Until 2000, she published stories and novels, and recently it has been mostly non-fiction, based on the posts of the writer on Facebook.

It is the post today that has become one of the most popular hybrid genres. In the tradition of our culture, a post grows into a text with signs of artistry, it can be described with such notions as «art journalism» or «essayistics». In the article, the author examines the similarity and difference between the literary text and the Internet post, concluding that the posts of T. Tolstaya quite fit the definition of essayistics. These texts include many signs of journalism and contain a full-fledged artistic principle.

Child's theme takes an important place in the work of T. Tolstaya. Child's consciousness, child's perception, embodied in literature, has repeatedly become the subject of scientific research. At the same time, we failed to find any special works with the child's vision of the world, reflected in the artwork of T. Tolstaya. The goal of the article is to understand the principles and mechanisms of functioning of child's vision in short stories and posts by T. Tolstaya. Short stories like «Love — love not» (1987) and «The Invisible Maiden» (2014), as well as the author's posts in 2014–2016 have been analyzed.

Methods of child's poetics are similar in the early and later texts of the writer, but we can also see their evolution. The short story «Love — love not» represents the point of view of the child observer, and the structural basis is the opposition of one's own to someone else's. The short story «The Invisible Maiden» is a complex structure from the observer's point of view: the child's point of view is superimposed on the point of view of an adult. The irony, publicistic orientation of Internet posts, apparently, to a lesser extent, pushes to create texts saturated with children's visuality. That is why the analyzed posts in their structure and subject matter are similar to the later stories of Tolstaya, the principle of which is a memoir orientation, blurring the line between artistic work and non-fiction.

Although the evolution of the methods of implementation of «child's vision» in Tolstaya's texts is quite evident, the functioning of the mechanisms of child's optics is nevertheless built on similar principles, which allows us to speak of the versatility of the analyzed aspect of poetics for the author's entire work.

Key words: poetics of visuality, child's optics, art journalism, Internet post.

REFERENCES

1. Babicheva, A. (2012) Otkrytaja mysl' : internet na bumage // Znamja, 5. Electronic resource, access mode: <http://magazines.russ.ru/znamia/2012/5/b31.html> [in Russian].
2. Bogdanova, E. (2015) Motivnyj kompleks prozy Tat'jany Tolstoj : dis. na soiskanie uchen. stepeni kand. filol. nauk : spec. 10.01.01 «Russkaja literatura», SPb. [in Russian].
3. Vajl', P., Genis, A. (1990) Gorodok v tabakerke // Zvezda, 8, p. 147–150 [in Russian].
4. Vlasova, L. (2006) Vtorosjuzhetnost' v jesseistike T. Tolstoj // Vestn. Tambovskogo un-ta. Serija : Gumanitarnye nauki, 2, p. 288–300 [in Russian].
5. Genis, A. Pojetika Fejsbuka. Electronic resource, access mode: <http://www.svoboda.org/content/transcript/27247869.html> [in Russian].
6. Golovanova, M., Abramova, M., Pichugina, O. (2008) O kul'ture pis'mennoj rechi v sisteme Runet // Trudy Mezhdunarodnogo simpoziuma «Nadezhnost' i kachestvo», 1. Electronic resource, access mode: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-kulture-pismennoj-rechi-v-sisteme-runet> [in Russian].
7. Kostyrko, S. Setevaja literatura. Electronic resource, access mode: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/1/netlib.html [in Russian].
8. Paramonov, B. (2000) Zastoj kak kul'turnaja forma (o Tat'jane Tolstoj) // Zvezda, 4, p. 234–238 [in Russian].
9. Prohorov, G. (2012) Chto takoe «hudozhestvennaja publicistika»? // Novyj filologicheskij vestnik, 3 (22), p. 44–52 [in Russian].
10. Surat, I. (2014) Inogda ljubov' : novaja proza Tat'jany Tolstoj // Znamja, 8, p. 188–201 [in Russian].
11. Tolstaja, T. (2015) Nevidimaja deva, Moscow, AST [in Russian].
12. Tolstaja, T. Account in Facebook, access mode: <https://www.facebook.com/TatyanaTolstaya?fref=ts> [in Russian].
13. Uspenskij, B. (2000) Pojetika kompozicii, SPb, Azbuka [in Russian].
14. Jepshtejn, M. (2005) Postmodern v russkoj literature, Moscow, Vyshcha shkola [in Russian].

Стаття надійшла до редакції 28 липня 2017 р.